

О. В. Прокуденкова, Мухаммед Аль Хадиди

**Теоретическое наследие К. Н. Леонтьева
в контексте культурфилософских идей конца XIX – начала XX в.**

В статье рассматриваются культурфилософские идеи выдающегося русского мыслителя Константина Николаевича Леонтьева, чье творчество связано с актуальным дискурсом русской культурологической мысли 70-х гг. XIX столетия. Леонтьев размышлял о методологии научного изучения культурно-исторических типов, об их своеобразии, о месте и роли России в общем культурно-историческом процессе. Ученый выдвинул собственную концепцию развития страны, введя в научный оборот понятия «византизм» и предложив его оригинальную трактовку.

Ключевые слова: самобытная культура, национальное своеобразие, культурно-исторический тип, культура России, культурологическая концепция К. Н. Леонтьева

Olga V. Prokudenkova, Mukhammed Al Khadidi

**Theoretical heritage by Konstantin N. Leontiev
in the context of the cultural and philosophical ideas of the 19–20 centuries**

The article deals with cultural and philosophical ideas of the outstanding Russian philosopher Konstantin Nikolayevich Leontiev, whose work is associated with the actual discourse of Russian culturological thought the 70's of the 19 century. Leontiev was thinking about the methodology of the scientific study of cultural-historical types, their uniqueness, the place and role of Russia in the general cultural-historical process. Scientists have its own concept of development of the country by introducing the notion of a scientific revolution «Byzantinism» and offered his original interpretation

Keywords: original culture, national identity, cultural-historical type, culture Russia, cultural concept Konstantin N. Leontiev

Интерес к культурфилософскому наследию К. Н. Леонтьева (1831–1891), представителю консервативного крыла русской социально-философской мысли, культурологу, писателю и литературному критику, в наши дни объясняется тем обстоятельством, что Россия сегодня оказалась лицом к лицу с совокупностью вопросов, которые пытался ставить и решать еще в позапрошлом столетии К. Н. Леонтьев. В первую очередь это касается проблем сохранения социального, экономического и духовного своеобразия России как определенного уникального культурно-исторического типа.

Другой фактор, определивший стойкий интерес к наследию мыслителя, связан с сугубо академическим, культурно-историческим кругом вопросов. Критика К. Н. Леонтьевым основ европейской цивилизации совпадает с критикой цивилизации И. С. Аксакова, Н. А. Бердяева, А. И. Герцена, Л. Н. Толстого, Н. Ф. Федорова, поэтому можно говорить о том, что мыслитель находился на острие философско-культурологической проблематики своего времени, которая сохраняет свою актуальность и по сей день.

Идеи К. Н. Леонтьева о мире органично вписываются в русский культурологический дискурс 70-х гг. XIX столетия. Импульсом для культурфилософских размышлений К. Н. Леонтьева

послужило размышление и реакция на современное состояние европейской цивилизации: характерное преобладание «среднего человека», нивелирование своеобразия национальных культур и подмена истинных ценностей, где вместо бога люди поклоняются золотому тельцу. Такое видение проблемы стало, по меткому определению Н. А. Бердяева было «философской ненавистью к формам и духу новейшей европейской жизни»¹.

Культурфилософия К. Н. Леонтьева, предложенная им как теория разнонаправленных локальных развитий культуры, во многом созвучна теории локальных цивилизаций Н. Я. Данилевского и предшествует схожим концепциям О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина. Данные теории с присущим им отрицанием европоцентризма, объясняют своеобразие развития отдельных стран, регионов и мировой истории в целом социальным и культурным плюрализмом, характерным для всего историко-культурного процесса человечества. Таким образом, К. Н. Леонтьев был противником концепций социального прогресса, единства развития человечества и исключительно материалистического понимания истории.

Важной вехой конца XIX в. в отечественных историко-культурных исканиях стала книга

Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», завершенная автором в 1869 г. Данилевский противопоставил концепции европейского универсализма учение о многообразии различных культурно-исторических типов, показав научную несостоятельность данной идеи и пресекая, таким образом, в будущем необходимость следования европейским культурным образцам и идеалам в собственном историческом развитии стран и народов.

Данилевский утверждал, что «общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует, не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, идеал – достижимый последовательным, или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошлом, настоящем и будущем»².

Книга К. Н. Леонтьева стал своеобразной рефлексией на книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», где К. Н. Леонтьева, в первую очередь, заинтересовали идеи, связанные с цикличностью истории, также идея культурно-исторического типа как субстрата этой цикличности. Культурологическая концепция Леонтьева оформилась в наиболее известной работе «Византизм и славянство», которая была опубликована в 1875 г. и была встречена научной публикой скептически. На протяжении длительного времени – вплоть до начала XX в. – книга оставалась малоизвестной широкому кругу читателей. В начале XX в. труд Леонтьева будет востребован: в разное время о книге К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство» высказывались Н. А. Бердяев, М. П. Погодин, В. В. Розанов, Н. Н. Страхов, С. Н. Трубецкой, дав, порой неоднозначную, но очень высокую оценку идеям отечественного мыслителя. В частности В. В. Розанов отмечал, что в сфере мышления Леонтьев должен быть поставлен «впереди своего века»: «... в идейном своем строе, может быть понимаем и истолковываем лишь как человек XIX в. – хотя методы и средства борьбы, именно эта его теория, столь же обширная по горизонтали, как, например, обширен дарвинизм, гегельянство („метод Гегеля“) или пессимизм, выносит его за пределы XIX в. и соделывает братом всех веков, работником во всех веках, другом всех „благомыслящих“ людей»³.

Вл. Соловьев подчеркивал огромную роль, которую сыграл К. Н. Леонтьев в развитии отечественной культурологической мысли, в частно-

сти он писал, что Леонтьев «умнее Данилевского, оригинальнее Герцена и лично религиознее Ф. Достоевского»⁴.

Н. А. Бердяев говорил о Леонтьеве как о великане в истории русского духа XIX в. – одним из наиболее благородных и волнующих⁵.

Медицинское образование К. Н. Леонтьева, полученное в Московском университете, в известной мере предопределило его философскую ориентацию на поиск «естественнонаучных» закономерностей в истории развития культуры. Вслед за Н. Я. Данилевским К. Н. Леонтьев отрицал существование единой человеческой цивилизации, полагая, что понятие «цивилизация» обозначает новейшую фазу в развитии европейской культуры, отражающую специфику условия западноевропейской истории. Именно поэтому не может быть методологически применимо понятие «единой, общечеловеческой цивилизации» при анализе хода мирового социокультурного процесса. Мыслитель стремился сформулировать приложимые к любой человеческой культуре универсальные законы культурно-цивилизационного процесса, которые бы объясняли циклы возникновения, кульминации, увядания и гибели цивилизации.

Необходимо подчеркнуть, что собственно в русской интеллектуальной среде идея органицизма была не нова и связана с попытками экстраполяции естественнонаучной методологии на гуманитарные предметы. Уже А. С. Хомяков формулирует идею органицизма, полагая, что русская государственность возникла из синтеза «русского духа» и быта, которые и определили границы «великой и обильной» русской земли. Скрепляющим началом «русского духа» стала опора на «веру отцов» – Православие и церковь, сформировавшие в народе его нравственные силы – истину и любовь, которые в свою очередь стали опорой русской государственности, ее естественным «живым организмом». «Наша древность представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собою»⁶.

Также стоит отметить и употребляемую мыслителем категорию «жизни» – А. С. Хомяков видел принципиальное различие между «грудой», т. е. механическим собранием элементов и «организмом» как органической целостностью. В этом отношении характерно следующее высказывание А. С. Хомякова: «Песчинка действительно не получает нового бытия от груды, в которую ее забросил случай. <...> Но всякая частица вещества, усвоенная живым телом, делается неотъемлемой частью его организма и сама получает от него новый смысл и новую жизнь: таков человек в

Церкви, в Теле Христовом, органическое основание которого есть любовь»⁷.

К. Н. Леонтьев глубоко знал творчество старших славянофилов и, в частности, А. С. Хомякова, во многом отталкивался от их концепций. Особенно была близка Леонтьеву идея органицизма, противостоящая механическим моделям развития истории. В ее разработке К. Н. Леонтьев сделал весьма существенный шаг к созданию концепции органического развития культурно-исторических явлений, предлагая использовать в «исторической области» методы исследования «реальных, точных наук»⁸.

В определенном смысле К. Н. Леонтьев реализовал свой замысел, в результате чего он вполне последовательно пришел к утверждению цикличности истории как отражению меры всего сущего, к отрицанию самой идеи поступательного движения человечества, идеи социально-культурного прогресса. В этом К. Н. Леонтьев выступает как проводник идей старших славянофилов, которые активно критиковали гегельянский универсализм историко-культурного процесса. Как известно, историческая гегелевская схема завершается апологией прусской монархии, славянофилы пытались ее продолжить и включали в нее славянство на правах следующего этапа самодвижения абсолютного духа. Славянофильская схема реинтерпретация исторического процесса, а также универсализм Гегеля не удовлетворяли культурфилософских исканий К. Н. Леонтьева. Мыслитель противопоставил их концепциям свое видение развития истории, полагая, что культурно-исторический процесс – это смена различных культурно-исторических типов с их исходным плюрализмом.

Под культурно-историческим типом Леонтьев понимал стадийное развитие органицизма – органической целостности, – для теоретического познания которой не подходят механические линейные модели. С позиций органицизма К. Н. Леонтьев рассматривал «органическую целостность» как субстрат любой цивилизации, полагая, что в триединстве ее исторического развития воспроизводится ритмичность жизни природы. Подобная экстраполяция хорошо сочеталась с представлениями о цикличности истории. К. Н. Леонтьев исходит в своих культурфилософских построениях из тезиса о том, что «организмы общественные подобны организмам физическим»⁹. В силу этого во всех цивилизациях, как и живых организмах действуют эволюционные законы зарождения, роста (расцвета) и гибели, которым подчинены все культурные миры. Исходя из данного параллелизма он отмечает: «...развитие в органической жизни значит вот что: постепенное

восхождение от простейшего к сложнейшему; постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, с другой – от всех сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений... Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности... Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутренних и в то же время постепенное укрепление единства... высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединенная некоторым внутренним деспотическим единством»¹⁰.

Развитие культуры, согласно К. Н. Леонтьеву, включает три этапа: «первичная простота», «цветущая сложность», «смесительное упрощение», приводящее в итоге к разложению («гниению») и гибели. Таким образом, органицизм Леонтьева с присущим ему пониманием закономерностей исторического развития ничем не связанных между собой локальных культур имплицитно противостоит гегельянскому культурно-историческому универсализму, явившемуся выражением объективно-идеалистической методологии истории.

Культурфилософия К. Н. Леонтьева – своеобразный синтез эстетизма, религиозной метафизики и органицизма. В то же время, будучи близок идеям своего времени, он создал оригинальную, отличную от других философских концепций, выразившуюся в обосновании онтологии неравенства, несовместимой ни с позитивистскими универсалиями, ни с присущей славянофильству почвеннической мыслью.

Для мировоззрения К. Н. Леонтьева характерно отрицание положительного влияния европейской культуры, непригодность западно-европейских ценностей и социальных моделей для нашей страны. Европа, по мысли Леонтьева, уже вступила в третью предсмертную стадию существования цивилизации, свидетельством чему является «эгалитарно-демократический, буржуазный» социальный идеал и соответствующее ему «революционное гниение» общества, которое ведет к гибели культуры, а не к ее обновлению. Мыслитель полагал, что у России собственный, присущий только ей путь развития, обусловленный синтезом различных культур и религий, способный уберечь страну от пагубного влияния губительных тенденций развития Западной Европы. Основанием такого пути, могут послужить «византизм», который, по мысли К. Н. Леонтьева, означает синтез нравственных, религиозных, философских и эстетических идей. В основе «византизма» лежит гармоничное единение религии (православия), государства

(самодержавия) и общины (с присущей ей словесной иерархией), которые в совокупности способны обеспечить главное – развитие своеобразия национальной культуры. К. Н. Леонтьев подчеркивал, что на раннем этапе русской истории из Византии пришло христианство (православие) и система управления, заложившая основы будущей государственности, которые послужили формированию и возвеличению русской культуры.

Будучи близок идеям славянофилов и адептом идей Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьев, по ряду вопросов значительно отклонялся от них, – в первую очередь, по вопросам политического устройства и будущего России. Прилагая свою схему к анализу современной ему цивилизации, Леонтьев делает вывод о том, что наиболее соответствует идеалу стадии «цветущей сложности» феодальный, сословно-монархический строй, так как сословная структура с присущей ей стратификационной замкнутостью выражает «сложность и разнообразие», а феодальная автократия обеспечивает единство. Именно в феодализме Леонтьев усматривал нормативное выражение жизни целостного культурного организма – стержень русского культурно-исторического типа, по мысли Леонтьева, – религиозная (православная) константа и традиционный иерархический сословный строй.

Культурное развитие по мысли К. Н. Леонтьева тесно связано с развитием социальных институтов, и в первую очередь, государства, выступающее тем самым «обособляющим существом», которое «разнообразит своею сложностью части и вместе удерживает их от распада». Считается, что усложнение социальной организации ведет к спонтанному росту как «эстетики жизни», так и высших форм культурного творчества. «...Только там много бытовой и всякой поэзии, где много государственной и общественной силы. Государственная сила есть скрытый железный остов, на котором великий художник – история, лепит изящные и могучие формы культурной человеческой жизни»¹¹.

В концепции Леонтьева государство является определяющим фактором истории, но не единственным. Леонтьев отмечает, что кроме государства присутствуют и другие силы в истории, – такие как «религия или церковь с ее представителями», «различные общины», «землевание», «подвижный капитал», «труд и масса его производителей», «наука с ее деятелями и учреждениями» и, наконец, «искусство». Все эти силы – «Реальные силы общества, все до одной неизбежны, неотвратимы, реально-бессмертны...»¹². Все эти факторы историко-культурного процесса, обладают известной

самостоятельностью, отвечают вечным потребностям общества, существуют как части целого, находясь в сложных отношениях друг с другом. Леонтьев отмечает, что «иные сочетания благоприятны для государственной прочности; другие для культурной производительности, третьи для того и другого вместе; иные же ни для того, ни для другого неблагоприятны. Так, форма глубже расслоенная и разгруппированная и в то же время достаточно сосредоточенная в чем-нибудь общим и высшем, – есть самая прочная и духовно производительная; а форма смешанная, уравниваемая и не сосредоточенная – самая непрочная и духовно бесплодная»¹³.

В концепции К. Н. Леонтьева главная функция государства заключается в организации всех культуротворческих сил в единый ансамбль, так как государство как особый «организм» в силу своей природы точнейшим образом «угадывает» потребности самой жизни. Таким образом, главной целью государства становится всеобщий (идеальный) принцип организации – разнообразие в единстве, что, в конечном счете, приводит к реализации коренных нужд самой жизни – сохранению и дальнейшему ее совершенствованию. В аспекте своей иррациональной, спонтанной порождающей силы жизнь востребует форму, которой и становится государство, позволяющее выкристаллизоваться ей в законченные этические и эстетические образы.

Идеалом социального устройства для России по мысли Леонтьева становится государство, которое «должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно, вообще сурово, иногда и до свирепости; церковь должна быть независимее нынешней, иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее; быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве; законы, принципы власти должны быть строже, люди должны стараться быть лично добрее – одно уравновесить другое; наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе»¹⁴.

Находясь на рубеже двух эпох, мыслитель оказался свидетелем нарождающегося в России нового общественного строя, нового типа культуры, связанного с европейской цивилизационной моделью социального развития. К. Н. Леонтьев истолковал данные изменения как этап разложения единственной настоящей культуры – началом «вторичного смесительного упрощения», воспринимая данные изменения как трагический перелом для русской истории.

Эйфория по поводу научно-технического и экономического прогресса человечества ока-

залась чуждой Леонтьеву, что привело к пессимистическим оценкам новых форм социального бытия, выходящих за рамки традиционного образа жизни, позволило поставить ряд действительно важных вопросов русской национальной культуры, отметить некоторые опасные тенденции, для нас уже в полной мере очевидные.

Примечания

¹ Об этом подробнее см.: Бердяев Н. А. Константин Леонтьев: очерк из ист. рус. религ. мысли. Париж: Утса-Press, 1926. С. 71.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Директ-медиа, 2011. С. 602.

³ Розанов В. В. О Константине Леонтьеве // Константин Леонтьев: Pro et Contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 1. С. 409–416.

⁴ Бердяев Н. А. Константин Леонтьев // Там же. С. 116.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ Хомяков А. С. О старом и новом // Сочинения: в 2 т. М.: Моск. филос. фонд: Медиум, 1994. Т. 2. С. 463.

⁷ Хомяков А. С. По поводу одного окружного послания парижского архиепископа // Там же. С. 87.

⁸ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: Аст: Аст Москва: Хранитель, 2007. С. 153.

⁹ Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996. С. 511.

¹⁰ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. С. 148–154.

¹¹ Из воспоминаний К. Леонтьева // Рус. арх. 1880. № 1, кн. 1. С. 491.

¹² Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. С. 520–550.

¹³ Там же. С. 530.

¹⁴ Фудель И. Культурный идеал К. Н. Леонтьева // Рус. обозрение. 1895. № 1. С. 267–268.